

Список литературы и источников

1. Белоконовский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Орел: Тип. Н.А. Семенов, 1887. 245 с.
2. Восточное обозрение. 1900. 4 июня.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 346.
4. Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. 420 с.
5. Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
6. Из истории политической ссылки в Якутскую область: Сб. материалов и воспоминаний. М.: Главлит, 1927. 202 с.
7. Николаевский Н. Тюрьма и ссылка. Очерки политической и религиозной ссылки. М: Университетская типография, 1898. 201 с.

УДК 9(571.53)

И.П. Серебренников

Роль и место ссыльных в террористической деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.

Аннотация: Статья посвящена анализу степени участия политических ссыльных в террористической и экспроприаторской деятельности революционеров в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: покушение, революционеры, ссылка, терроризм, террористический акт, экспроприация.

I.P. Serebrennikov

The role and the place of exilers in terrorist activity of revolutionaries in Eastern Siberia at the end of XIX – at the beginning of XX c.

The article is devoted to the analysis of degree of participating political exilers in terrorist and expropriatory activity of revolutionaries in Eastern Siberia at the end of XIX – at the beginning of XX c.

Keywords: Attempt, exile, expropriation, revolutionaries, terrorism, terrorist act.

В освободительном движении России во второй половине XIX – начале XX вв. практиковались различные способы борьбы, вплоть до крайне радикальных. К таким относится проведение террористических актов против представителей власти. Революционеры различных политических взглядов нередко применяли покушения на убийство. Особого размаха террористическая деятельность приобрела в начале XX в. Не отставали от своих товарищей находившиеся в заключении или в ссылке революционеры. Они нередко активно включались в радикальную борьбу. Не стали исключением представители политической ссылки и каторги Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. В их практике борьбы за смягчение режима ссылки наряду с мирными формами (подача требований, самовольные отлучки с мест водворения, побег, голодовки), начинают использоваться террористические акты в виде покушений на представителей местной администрации.

Первые террористический акт был совершен в 1882 г., когда Мария Игнатьевна Кутитонская стреляла в губернатора Забайкальской области генерал-майора Л.И. Ильяшевича в ответ на ужесточение режима в мужской тюрьме в Каре [1]. Таким образом, поступок М. Кутитонской, как в свое время выступление В.И. Засулич, явился следствием чувства оскорбленной справедливости. Она руководствовалась, прежде всего, стремлением отомстить за унижения и оскорбления, которые приходилось терпеть ее товарищам на каторге.

В дальнейшем политические ссылки неоднократно обращались к террористическим актам как средству борьбы за свои права. До 1905 года ими было совершено ещё шесть покушений на представителей администрации, полицейских чинов и солдат, в том числе во время двух массовых выступлений, известных под названием «Якутский» (1889 г.) и «Романовский» (1904 г.) протесты.

С началом первой российской революции активизировали свою деятельность члены местных организаций политических партий. Они активно стали применять в борьбе террористическую тактику. Так, при иркутском комитете партии социалистов-революционеров была создана боевая организация, главной задачей которой стало проведение покушений на наиболее

«вредных» для революционеров представителей власти. Ими были проведены акты против иркутского вице-губернатора В.А. Мишина и исполняющего обязанности полицмейстера Драгомирова. Готовились покушения на начальника иркутского охранного отделения М.Л. Гаврилова и командира 3-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта П.К. Ренненкампфа. Однако задуманное провести не удалось в связи с крупными арестами, произведенными полицией. Однако П.К. Ренненкампф всё же пострадал, так как покушение на него произвел бежавший с места водворения ссыльный социалист-революционер Н.В. Коршун (Коршунов). 30 октября 1906 г. он бросил бомбу в генерал-лейтенанта, которая, однако, не причинила последнему вреда [2]. Это было единственное выступление террористического характера со стороны ссыльных во время первой российской революции.

В межреволюционный период наибольшую известность получило массовое выступление ссыльных Туруханского края, получившее название «Туруханский бунт». Группа из 20 ссыльных различной партийной принадлежности в декабре 1908 г. попыталась совершить побег с мест водворения. По дороге к Туруханску беглецы совершали политические убийства, а также экспроприации. Ими были убиты: полицейский надзиратель Нешумаев, помощник пристава Водяников, заподозренный в измене политический ссыльный Хозяшев, два казака, купцы Пономарев, Вяткин, Войлочников (Войлошников), – а также ранены несколько человек, в том числе и мирные жители [3]. Для прекращения беспорядков в Туруханский край была направлена воинская команда под начальством офицера и командирован временно командующий 8-й восточносибирской дивизией генерал-майор Трофимов с ротой стрелков и взводом казаков. 4 февраля 1909 г. край был объявлен на военном положении.

Возобновить террористическую деятельность попытались и ссыльные Верхотенского уезда Иркутской губернии. По инициативе ссыльных большевиков Е.М. Комарова, М.А. Бульчева и эсера Е.А. Пославского в 1911 г. была создана межпартийная группа, получившая название «Союз революционных социалистов». Члены «Союза» ставили своей задачей подготовку всеобщего вооруженного восстания в России для ниспровержения существующего строя и созыва всенародного учредительного собрания. С этой це-

люю предполагалось использовать различные средства борьбы, в том числе и проведение террористических актов. Для воплощения последней идеи была создана «Первая Сибирская народная дружина». Однако развить широкую террористическую деятельность членам ни «Союза», ни «Дружины» не удалось: весной 1912 г. эти формирования были разгромлены полицией [4].

Таблица 1

Количество террористических актов,
совершенных в Восточной Сибири в 1882–1913 гг.

	1882-1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Всего
Енисейская губерния	–	1	4	9	3 (2)	–	–	–	–	1 (1)	18 (3)
Иркутская губерния	–	4	5 (1)	2	–	–	1	–	1 (1)	–	13 (2)
Забайкальская область	–	1	3	7	4	1	–	1 (1)	1	–	18 (1)
Якутская область	7 (7)	–	1	–	–	–	–	–	–	–	8 (7)
Всего	7 (7)	6	13 (1)	18	7 (2)	1	1	1 (1)	2 (1)	1 (1)	57 (13)

Примечание: в скобках указано количество террористических актов, совершенных ссылкой.

Усиленно занималась сплочением ссыльных водворенная на поселение в г. Киренске Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Сочувствующая партийной деятельности на автономных началах, независимо и помимо Центрального Комитета, она, пользуясь своим авторитетом, сумела организовать летом 1911 г. «Автономную группу партии социалистов-революционеров» в целях постановки и оживления партийной работы в пределах Сибири. Эта группа насчитывала с самого начала до 30 человек. Из ее состава выделился особый «Сибирский летучий боевой отряд», который, по имевшимся у полиции сведениям, базировался в окрестностях села Черемхово. Главной целью отряда было возродить террористическую деятельность. «Сибирский летучий боевой отряд» в свою очередь выделил организованный в селе Зима так называемый «Зиминский поселковый отдел комитета боевой организации» численностью около 15 человек [5]. Член «Сибирского летучего боевого отряда» Б.И. Лагунов, ссыльнопоселенец Преображенской волости, Киренского уезда,

18 августа 1911 г. совершил неудачное покушение на начальника Горно-Зерентуйской каторжной тюрьмы И.И. Высоцкого [6]. Это стало последним «крупным» делом не только ссыльных в Восточной Сибири, но и последним террористическим актом, официально признанным партией социалистов-революционеров.

Последним же покушением, совершенным ссыльными, стало убийство надзирателя Величко 19 июля 1913 г. в с. Таскеево, Енисейской губернии.

Однако вплоть до конца 1915 г. идеи о возобновлении террористической деятельности не покидали политических ссыльных Восточной Сибири. В 1914 г. ссыльнопоселенец Серов получил от бывшего ссыльнокаторжного Кутомарской тюрьмы Израйля Брильона письмо, в котором последний писал, что он решил совершить акт в отношении инспектора Главного тюремного управления И.П. Сементовского. О намерениях Брильона стало известно полиции, и директор Департамента полиции личным письмом предупредил Сементовского о грозящей ему опасности [7].

Говорили о возрождении террора ссыльные анархисты. Весной 1914 г. в с. Манзурка Иркутской губернии состоялась конференция анархистов-коммунистов Восточной Сибири. Среди участников не было единого мнения по тактическим вопросам. В одной из резолюций отмечалось, что конференция «констатирует различные течения и направления даже принципиальные разногласия товарищей участвующих на конф. в отношении к тактике. Намечается направление, которое видит центр тяжести в терроре... Намечается также другое направление рекомендуемое немедленно приступить к организации анархо-коммунистических коммун, кооперативов и артелей, намечается 3/ направление выражающееся исключительно в революционной деятельности против тюрем России» [8]. От слов к делу перейти не удалось.

Не смогли предпринять конкретных шагов по проведению террористических актов и ссыльные эсеры-максималисты из с. Рыбинского, Енисейской губернии, обсуждавшие вопросы тактики в условиях проходившей войны.

С 1906 г. в практику местных революционеров входит такой вид террористических актов, как экспроприация, т. е. грабежи на революционные цели. Нападениям подвергались как государственные учреждения, так и частные лица и торговые конто-

ры, а также порой церкви. Однако так же как и покушения на убийство, проведение экспроприаций в среде ссыльных в годы первой российской революции не получило распространение. Зато в межреволюционный период экспроприаторская деятельность проводилась в основном представителями ссылки.

Таблица 2

Количество экспроприаций,
совершенных в Восточной Сибири в 1882–1913 гг.

	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Всего
Енисейская губерния	7	20 (1)	3 (3)	1	—	—	1	1	33 (4)
Иркутская губерния	—	1	—	—	5 (4)	2 (1)	1 (1)	3 (3)	12 (9)
Забайкальская область	1	3	1	1	—	—	—	—	6
Якутская область	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	8	24 (1)	4 (3)	2	5 (4)	2 (1)	2 (1)	4 (3)	51 (13)

Примечание: в скобках указано количество экспроприаций, совершенных ссыльными.

Ряд экспроприаций был проведен накануне и во время «Туруханского бунта» 1908–1909 гг. В деревне Чулково беглецы ограбили почту, в Туруханске – кассу и почту, а на станках Верхне-Инбатское, Ново-Черноостровский, Мироедиха, Монастырский и других экспроприациям подверглись зажиточные крестьяне и купцы.

Несмотря на заявление о лишь вынужденном характере экспроприаций, деятельность «Первой Сибирской народной дружины» в итоге свелась только к грабёжам. Первым активным выступлением дружинников стало ограбление почты близ села Манзурки в ночь на 31 марта 1912 г., во время которого было похищено 920 рублей наличными, 2814 рублей почтовыми и 5100 рублей контрольными марками. 10 апреля в селе Боганты были обнаружены Комаров и Булычев. При их задержании последний оказал вооруженное сопротивление, ранив пристава 3-го стана Верхоленского уезда Голаменского и урядника Понкратова. При этом Булычев сам был ранен и взят под арест, а Комарову удалось скрыться. Остальные члены Дружины были обнаружены полицией и солдатами 3 июня около деревни Пономаревой, где они предполагали произвести очередное ограбление почты [9].

В 1913 г. проявили активность в экспроприаторской деятельности ссыльные анархисты Иркутской губернии. В сёлах

Черемхово и Зима действовала группа анархистов во главе с ссыльнопоселенцами А. Гломаздой и А. Стуре. 27 августа этой группой была проведена экспроприация в Зиминской почтово-телеграфной конторе [10].

В результате арестов и обысков, произведённых 1 октября 1913 г. в сёлах Черемхово и Гымыль, эта группа была частично ликвидирована полицией. Оставшиеся на свободе члены группы проявили себя ограблением 9 ноября конторы копей Мильнера, во время которого был убит урядник Бондарук, и 16 ноября Куйтунской почтово-телеграфной конторы [11]. Это стало последней экспроприацией, совершенной политическими ссыльными в Восточной Сибири.

Таким образом, можно говорить о том, что начало террористической деятельности в Восточной Сибири было положено политическими ссыльными. Более того, до начала первой российской революции покушения на жизнь представителей местной власти совершали только ссыльные, в одиночку или во время массовых протестов. В 1905–1907 гг., когда революционное насилие приобрело массовый характер, выступления террористического характера со стороны ссыльных практически прекратились. С началом же нового революционного подъёма они активизировали свою деятельность в борьбе с произволом тюремной администрации. В 1911–1913 гг. террористические акты в регионе были совершены практически только ими. Кроме того, в среде политических ссыльных в межреволюционный период ещё долго сохранялись взгляды на террор, как действенный способ борьбы.

Взяли на вооружение ссыльные и такой вид террористических актов, как экспроприации. Так же как и с покушениями, в годы первой российской революции их экспроприаторская деятельность была невелика. Большого размаха она достигла только после окончания революции. Однако в общей численности проведенных покушений (22,8 %) и экспроприаций (25,5 %) ссыльные уступали членам местных организаций политических партий.

Список источников

1. ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 106.
2. ГАРФ. Ф. 102. ДП 7-е делопр. 1906. Оп. 203. Д. 8. Ч. 17. Л. 265–266 об.; ДП ОО. 1906. Оп. 234. Д. 3. Ч. 19. Л. 9–13; ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 1166. Л. 1–3; Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 134; Ф. 245. Оп. 3. Д. 444. Л. 11.

3. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1020; Там же. Оп. 3. Д. 9; Там же. Ф. 860. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 613, 629.
5. ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1911. Оп. 241. Д. 106. Л. 6 об.-7; ГАИО. Ф. 242. Оп. 2. Д. 348. Л. 1-1 об.; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 519. Л. 101, 102, 108; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1822. Л. 3-4.
6. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1910. Оп. 240. Д. 346 в. Л. 25-27, 36, 37, 42-53.
7. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Оп. 244. Д. 5. Ч. 27. Лит. Б. Л. 46, 76, 84.
8. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1 Д. 699. Л. 103 об.
9. ГАРФ. Ф.102. ДП 7-е делопр. 1912. Оп. 209. Д. 1309; Там же. ДП ОО. 1913. Оп. 243. Д. 336; ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 155; Там же. Ф. 143. Оп. 5. Д. 322; Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 613, 629.
10. ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 235. Л. 12.
11. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Л. 605. Л. 76-79, 80-81.

УДК 94(47).083

И.И. Терновая

К вопросу о гибели И.В. Бабушкина на станции Мысовая, или Как переписывалась история

В статье автор ставит под сомнение традиционную версию гибели профессионального революционера И.В. Бабушкина на станции Мысовая во время транспортировки оружия из Читы в Иркутск в январе 1906 г. и проводит собственное исследование данной проблемы.

Ключевые слова: И.В. Бабушкин, В.И. Локуциевский, А.Н. Меллер-Закомельский, Иркутск, Чита, Слюдянка, Мысовая.

I.I. Ternovy

To a question of death I.V. Babushkina at the station Mysovaya, or As the history corresponded

In article the author calls into question the traditional version of death of the professional revolutionary I.V. Babushkina at the station Mysovaya during transportation of weapon from Chita